

Наталья Антонова

Неловкая поступь

СМЕРТИ

Наталья Николаевна Антонова
Неловкая поступь смерти
Серия «Уютный детектив»
Серия «Частный детектив
Мирослава Волгина», книга 21

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68299789
Неловкая поступь смерти: Эксмо; М.; 2022
ISBN 978-5-04-175025-1

Аннотация

Что может быть лучше «Уютного детектива», в котором дружба троих друзей-сыщиков помогает распутать даже самое сложное дело.

Конец жаркого лета, детективы Мирослава и Морис наслаждаются теплом, дачей и оперой, но вскоре им предстоит прийти на выручку своему другу следователю Шуре Наполеонову, зашедшему в тупик с очередным делом. В собственной квартире умирает женщина, оставив после себя немалое наследство. Главным подозреваемым становится ее приемный сын – невнимательный равнодушный мот, привыкший жить за ее счет. Проблема в том, что у него есть алиби. Но так ли уж оно бесспорно? К тому же, оказывается, было оставлено особое

завещание... Однако у всех опрашиваемых есть алиби и нет мотива, и начинает казаться, что убийца неуловим. Мирослава и Морис решают помочь пролить свет на эту темную историю...

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	44
Глава 5	55
Глава 6	68
Глава 7	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Наталия Николаевна Антонова Неловкая поступь смерти

Бери от жизни всё...
Наталия Антонова

*Действующие лица и события романа
вымышлены, и сходство их с реальными лицами и
событиями абсолютно случайно.*
Автор

© Антонова Н.Н., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Частный детектив Мирослава Волгина и её родная тётя, писательница Виктория Волгина, пили чай на открытой террасе. Несмотря на приближившуюся вплотную осень, погода позволяла наслаждаться теплом. Поодаль с чашкой чая в руках и с котом, развалившимся на его коленях, сидел помощник детектива Морис Миндаугас. Он прислушивался к разговору двух женщин, но не вмешивался в него.

– Ты знаешь, о чём я думаю? – спросила Виктория пле-

мянницу.

– О чём, тётя?

– О том, что правительство и все властители и в хорошие, и в плохие времена часто говорят о газовой промышленности, автомобилях, самолётах, сельском хозяйстве, но никто и никогда не говорит о книгах. О книжном бизнесе! Или мне это только показалось?

– Увы, тётя!

– Вот, – вздохнула Виктория, – а ведь книга это духовный хлеб! Если у человека не будет хлеба насущного, умрёт его тело, а если у него не будет книги, начнёт умирать душа. И это при том, что всем известно, что тело тленно, а душа бессмертна! Выходит, что её погибель невозполнима! И только книга даёт душе возможность осознать себя, развиваться и оставаться бессмертной.

– Я согласна с тобой, тётя, – тихо ответила Мирослава.

– Но я не знаю, как достучаться до нашего правительства, дозвониться до президента на прямую линию шансы один на миллион. А ведь если бы было больше хороших добрых книг, вам с Морисом и Шурой не пришлось бы так часто охотиться за преступниками и раскрывать убийства.

– Тётя, – попыталась пошутить Мирослава, – у меня предложение. Давай растянем транспарант и с ним пойдём пешком через всю Россию в Москву.

– Что же ты предлагаешь написать на транспаранте?

– Спасите наши души!

– Пожалуй, – вздохнула Виктория, – больше ничего и не остаётся. Может, они услышат и поймут, что, спасая мир книг, они спасают человечество.

– Очень хочется надеяться на это, – ответила Мирослава. Книга, лежащая на столе, тихо вздохнула. Хотя, может быть, это просто ветер коснулся её страниц.

Но тем не менее все отчётливо расслышали слова, прошедшие в воздухе: «Спасите наши души!»

Ветер тотчас подхватил их и унёс. Может быть, они долетят до ушей тех, «кто наверху». Они помогут книжному бизнесу, и книга станет доступна простому человеку так же, как хлеб. Духовное, соединяясь с телесным, породит гармонию. И люди станут счастливее и добрее. Если красоте и дано спасти мир, то эта красота заложена в книге.

Глава 1

Высоко в небе светило беззаботное солнце. Было так тепло и уютно, что прохожие замедляли шаг, выпадая на время из суетного мира своих будничных дел и забот, на их лицах разглаживались морщинки озабоченности, а в уголках губ появлялась беспричинная улыбка.

Такое состояние у людей обычно бывает в начале весны, когда сходит снег и из земли пробиваются хрупкие ростки первых цветов. И в самом конце лета, когда все понимают, что совсем скоро с деревьев слетят ставшие золотыми и багряными листья, а потом налетят белые вьюги. Понимать-то все понимают, но верить не хотят. Это сродни вере в личное бессмертие. Всем известно, что жизнь конечна, но никто или почти никто не верит, что это правило актуально и для него.

Индейцы майя вообще считали, что человечество живёт в иллюзорном мире и не может видеть мир таким, каков он есть. Вот и писатель Эдгар По много позднее говорил нечто подобное: «Всё, что мы видим, и то, как мы выглядим, – не что иное, как сон во сне». А некоторые современные мыслители считают наш мир голограммой.

Однако чем бы он ни был, нам в нём жить энное количество лет, каждому из нас отпущенных судьбой.

Так что спустимся с небес на землю или бросим якорь в иллюзорном море, пытаясь отыскать твёрдое дно, и попробу-

ем наслаждаться жизнью, по мере возможности избегая бед и страданий.

И вот в этот чудесный день одна девушка, выйдя из супермаркета, заметила другую. Она даже не сразу сообразила, почему её взгляд зацепился за неё. А потом на лице проступило выражение узнавания, и она закричала:

– Мила! Милка!

Девушка, которую звали Милой, неуверенно оглянулась, её взгляд заскользил по толпе, пытаясь найти окликнувшую её. И вот она увидела, как какая-то девушка с сумками замахала ей рукой.

– Ой! Дашка! – вырвалось у Милы. И девушки устремились навстречу друг другу.

– Это ты, Милка! – проговорила слегка запыхавшаяся Даша. – Отлично выглядишь! А я сначала смотрю, ты не ты! Дай, думаю, окликну.

– Молодец, что окликнула, – Мила оценивающим взглядом скользила по лицу и фигуре подруги. «Расцвела, налилась, округлилась», – подумала она, с удовольствием отмечая, что её собственная фигура осталась такой же стройной, как была на выпускном вечере. Именно с той поры подруги и не виделись, несмотря на то что жили в одном мегаполисе.

– Как хорошо-то сегодня, – сказала Даша, – теплынь, – она вытащила платок и отёрла вспотевший лоб.

– Я смотрю, ты затарилась? – кивнула Мила на сумки в руках подруги.

– Ага, – Даша осмотрела свои сумки, – думаю, на неделю хватит. В будни особо по магазинам бегать некогда, – проговорила она, словно оправдываясь, – а сегодня у меня отгул.

На клумбах и газонах неистово благоухали цветы, словно торопились в отведённый им судьбой короткий отрезок времени залить всё вокруг своим ароматом.

– Знаешь, – сказала Мила, – мне кажется, что мы с тобой лет сто не видели друг друга.

– А разве столько живут? – рассмеялась Даша и опустила сумки на бордюр клумбы.

– Слушай, давай зайдём в кафе? – предложила Мила, и Даша тотчас согласилась.

Спустя десять минут они уже сидели в небольшом кафе и весело болтали, – как хорошо, что мы с тобой сегодня встретились. И погода стоит отличная. Даже думать не хочется, что скоро настоящая осень сменит эту идиллию.

– Говорят, что в старину в это время гуляли свадьбы, – мечтательно проговорила Мила.

– Нет, вроде немного попозже... – засомневалась Даша и спросила: – У тебя есть парень? – Сама Даша выскочила замуж сразу после школы, и Мила знала об этом.

– Имеется, – улыбнулась Мила не слишком радостно.

– Давно встречаетесь?

– Больше года.

– И как он, тебе ещё не сделал предложения?

– Нет, не торопится, – Мила смешно наморщила нос. – Да

если бы и сделал, я бы сто раз подумала, прежде чем согласиться.

– Чего так? – удивилась Даша.

– Так он гол как сокол.

– Так большинство девчонок выходят не за олигархов, – со знанием дела прокомментировала её сетование подруга.

– Это да. Но ведь он и работать ленится, паразит эдакий, – беззлобно выругалась Мила.

И Даша решила, что подруга влюблена. Она вспомнила, что Миле всегда нравились так называемые плохие мальчики – двоечники и разбитные хулиганы. Непонятно, отчего её к ним тянуло. Впрочем, это ведь беда не только Милы. Поэтому она осторожно спросила:

– А чего же ты с ним связалась?

Мила потеревила в руках кончик салфетки, расстеленной на столе, и, подавив вздох, ответила:

– Знаешь, каким он соловьём разливался, когда мы с ним познакомились, говорил, что у него мамаша деньги лопатой гребёт.

– И чё, наврал?

– Не совсем, – на этот раз не стала сдерживать вздоха сожаления Мила. – Только она и не мамаша ему вовсе. Вернее, не родная. Да и вышибла она его из дома под зад коленом.

– А деньги небось его папаша заработал.

– Если бы. Она сама богатенькая была.

– А отец его?

– В бегах.

– Судимый, что ли?

– Нет, просто беглый. Подкинул сынка второй жене и сбежал.

– Ни фиги себе.

– Вот я и кукую с этим горем луковым, – в который раз вздохнула Мила.

– Так подбей его, чтобы он с матерью этой помирился. Какая-никакая, а мать, тем более если она вырастила его.

– Подбиваю. Да всё никак не выходит. А ты как устроилась? – Миле надоело обсуждать собственные проблемы, и она решила перевести стрелки с себя на подругу.

– В общем-то неплохо. Мы с Серёгой ипотеку взяли. От свекрови съехали, и я вздохнула облегчённо. Санька наш ходить начал и даже говорит три слова.

– Какие же?

– Киса, ба и бяка.

Подруги расхохотались.

Расставшись с Дашей, Мила отправилась домой. По дороге она думала, что, по всему видно, Даша с мужем не шикуют, но и не бедствуют. Дашка довольна своей жизнью, да что там довольна, с завистью подумала Мила, она так и светится от счастья. Да и чего ей не светиться? Мужа и сына она любит и уверена в завтрашнем дне. Муж не лодырь, медленно, но верно продвигается по служебной лестнице. А когда выплатят ипотеку, то вообще заживут припеваючи. А она,

Милка, так и будет сидеть у разбитого корыта.

При подходе к дому девушка уже точно решила, что надо что-то менять. Вариантов было, по её мнению, два – заставить Аркадия помириться с приёмной матерью или последовать её примеру и выставить Аркашу за дверь, пока ещё не поздно. «Время-то летит быстро, – думала Мила, – не успеешь оглянуться, и ты уже седая, в морщинах и со вставной челюстью».

Входную дверь она открыла, находясь не в радужном настроении, и сразу закричала:

– Аркадий, ты дома?

Ответом ей была тишина.

Мила прошла на кухню, выложила на стол продукты, часть распределила на полках холодильника, курицу засунула в камеру. А чай, печенье и рулет положила в висящий над столом шкаф. После чего она отправилась в комнату. Так и есть! Аркадий спал, укрывшись с головой пледом. На журнальном столике стояла пустая бутылка из-под пива и валялась скомканная упаковка чипсов.

Мила потянула за край пледа.

– Вставай, соня! Сколько можно дрыхнуть!

Аркадий открыл глаза, поморгал с полминуты, потянулся и спросил:

– Где ты пропадала столько времени?

– В магазин ходила.

– Целый день?

– Ещё и часу дня нет.

– Ага! – обрадовался Аркадий и вскочил с дивана. – Значит, скоро обед. То-то, чувствую, у меня живот с голоду сводить начало.

– Я ещё не готовила, – сказала Мила, а про себя подумала. «И не собиралась».

– Да ты что?! – возмутился он.

– Сейчас быстро отварю макароны, и там у нас тушёные крылышки ещё остались, – проговорила она без особого энтузиазма.

– Опять макароны? А эти твои крылышки надо собакам бездомным выбросить. Там же абсолютно нечего есть!

– А ты устройся на работу, тогда я мясо на рынке покупать буду, – парировала Мила.

– Так мне же мать деньги на карточку кладёт. Чего тебе ещё надо?

– Она переводит тебе суши гроши!

– Сколько переводит, столько и переводит! – отрезал Аркадий, не думая сообщать своей подруге, что гроши отдаёт ей он, оставляя большую часть денег, переведённых матерью, себе.

– Вот на эту сумму я тебя и кормлю, – сердито проговорила Мила.

– Ну, знаешь, – возмутился он и не нашёл подходящих слов.

– А если бы ты подъехал к ней... – Мила решила, что на-

стал подходящий момент для того, чтобы вложить в голову Аркадия мысль о необходимости примирения с матерью.

– На хромой кобыле, – хмыкнул Аркадий.

– Я имею в виду по-человечески, с уважением, то и у неё к тебе другое было бы отношение.

– Отстань, Милка!

– Не отстану! Ты должен вернуть расположение матери, пока не поздно!

– Вот скончается старушка скоропостижно, – он расхохотался над своей шуткой, – и мне наследство свалится.

– Свалится, как же! Как вороне сыр!

– Зараза ты, – беззлобно выругался он, – умеешь человеку настроение испортить. Кстати, ты что же, столько времени в магазине была? – Взгляд Аркадия стал подозрительным.

– Нет. Подругу встретила, – призналась она неохотно.

– И вы столько времени сплетничали?

– Мы не сплетничали. Просто посидели в кафе. У Даши всё нормально, семья, муж, ребёнок.

– Памперсы, кастрюльки, куча грязного белья, – насмешливо проговорил Аркадий.

– У меня только памперсов нет, – рассердилась Мила, – зато горы грязной посуды в наличии. Ты даже тарелку за собой не вымоешь!

– А зачем? У меня баба есть, то есть ты. Мыть посуду – бабское дело.

– Как ты мне надоел!

– Могу съехать, – почёсывая под мышками, равнодушно проговорил Аркадий, – на мой век баб хватит.

Мила замолчала и закрылась на кухне.

Прошла неделя. Погода продолжала баловать горожан. А может быть, просто усыпляла их бдительность...

Михаил Муромцев сидел под зелёным зонтиком уличного кафе со своей девушкой Вероникой Бубенцовой. Молодые люди с удовольствием ели мороженое из небьющихся округлых вазочек. Мороженое было фирменным, с орехами и мармеладом. Вероника его просто обожала. А Михаил ел его с ней за компанию.

– Завтра во сколько увидимся? – спросила Вероника, с сожалением соскребая со дна вазочки остатки мороженого.

– Я завтра, Бубенчик, не могу, – ответил Муромцев.

– Ну почему, Миш?!

– Потому что мне обязательно надо завтра к тётё Ире забежать.

– Ты же сказал, что ей стало лучше и она сама со всем справляется.

– Так-то оно так, но всё равно присмотр нужен. Не забывай, что у неё никого, кроме меня, нет.

– Ты же говорил, что есть приёмный сын?

– Номинально есть, – не стал спорить Михаил, – но тётя Ира ему абсолютно не нужна.

– Ага, – ехидно проговорила Вероника, – а если с твоей тётёй Ирой что-то случится, то он первым прибежит. Ты сам

говорил, что она дама обеспеченная.

– Бубенчик, – строго проговорил Муромцев, – не наше с тобой дело чужие деньги считать.

– Ладно, не злись, – вздохнула Вероника, – я пошутила.

– Я так и понял, – покладисто отозвался Муромцев.

– Тогда возьми меня с собой.

Михаил задумчиво поглядел на девушку и покачал головой.

– Но почему? – возмутилась она. – Познакомишь меня со своей тётей Ирой.

– Она мне не тётя.

– Всё равно! – Вероника притопнула маленькой ножкой.

– Рано ещё, Бубенчик.

– А когда же будет в самый раз?

– Я сначала расскажу тёте Ире о тебе. Подготовлю, так сказать, почву. А потом уже пойдём к ней вместе.

– Вечно ты, Мишка, осторожничаешь, – сердито отмахнулась от него девушка.

– Так я же хочу как лучше, – начал оправдываться он.

– А ты знаешь, Мишка, что благими намерениями выслан путь в ад.

– Типун тебе на язык! – почему-то испугался он.

– Так это не я придумала, – пожалала плечами Вероника и велела: – Ладно, проводи меня домой. А то уже поздно.

– Пошли. – Он обнял её за плечи, и они зашагали в сторону её дома.

Глава 2

За окном шёл холодный дождь. Тёплое бабье лето сменилось неожиданным похолоданием.

Хороший хозяин в такую погоду собаку на улицу не выгонит, говорят в народе. Вот и следователю Александру Романовичу Наполеонову, который для друзей был Шурой, не хотелось покидать тёплую дежурную часть отделения. Впрочем, не ему одному, всем дежурившим в эту ночь сотрудникам.

Эксперт Афанасий Гаврилович Незовибатько кемарил, и виделась ему его жена Оксана. Вот она вплыла в гостиную и поставила на стол большую тарелку с варениками и сметану.

Оксана у него удивительная, и умная и красивая, и хозяйственная. И не пилит никогда ни из-за денег, ни из-за того, что на работе муж пропадает и днём и ночью. Многие коллеги ему откровенно завидовали, говоря по поводу и без повода, везёт же некоторым. Незовибатько и сам был уверен, что ему повезло с женой. Да и с тещей тоже. Не мог он пожаловаться и на тестя. А дети это вообще святое.

Афанасий Гаврилович сладко вздохнул и открыл глаза.

Судмедэксперт Зуфар Раисович Илинханов, который почти всегда читал специальную литературу, закрыл книгу и обвёл взглядом окружающих.

А старший лейтенант Любава Залеская читала очередной

детектив.

«Мало ей в жизни криминала», – думал Наполеонов, глядя на строгое девичье лицо с милыми ямочками на щеках.

У Любавы было два любимых героя – Пуаро и начальник отдела убийств Василиса Никитична Воеводина, которая была не так уж намного старше Любавы, но успела побывать в двух горячих точках.

Фотограф Валерьян Легкоступов смотрел вроде бы на дверь, но Наполеонов точно знал, что Валерьян был погружён в свои мысли и думал он, скорее всего, о фотографиях, которые были для него и работой, и хобби.

В этом высоком красивом парне было что-то от сказочного витязя. Его глаза сейчас напоминали серые прибрежные камни, омытые речной волной.

Глядя на Легкоступова, Шуре порой хотелось воскликнуть: «Да ладно, таких в реальности не бывает!»

Однако он был. Шура вздохнул и перевёл глаза на следующего сотрудника.

Оперативник Аветик Григорян, самый молодой из группы, старательно разгадывал очередной кроссворд.

А судмедэксперт Зуфар Раисович Илинханов не уставал над ним по-доброму подшучивать, вот и сейчас он обратился к Григоряну:

– Аветик, не иначе как ты собрался «Поле чудес» покорять.

Григорян молча отмахивался – не мешай, мол.

– Ну ты хоть привет от меня Якубовичу передашь? – не отставал Зуфар.

– Передам, передам, лучше скажи слово: русская народная обувь – шесть букв.

– Лапоть, – вклинился в их разговор Славин.

– Сам ты лапоть! Ой! Спасибо! Подходит!

Аветик только собрался загрузить Илинханова очередным вопросом, как раздался звонок на пульт оперативного дежурного.

Следователь Наполеонов снял трубку.

– Полиция?! Пожалуйста, скорее приезжайте, – прокричал молодой срывающийся мужской голос. – Убита женщина, – он всхлипнул и назвал адрес.

– Убийство, – произнёс Наполеонов, – едем.

Все молча поднялись, и через несколько минут полицейский автомобиль с включённой мигалкой нёсся по залитым дождём улицам.

Серый особняк монолитной глыбой выплыл из темноты. Ворота были открыты. В нескольких окнах горел свет. Едва автомобиль остановился, как с крыльца сбежал человек. Свет от фонаря упал на его лицо, и первое, что бросилось в глаза следователю, были огромные, в пол-лица, перепуганные голубые глаза парня, они буквально сияли на белом, как лист бумаги, лице. Чувствовалось, что он изо всех сил старается не заплакать.

Полицейские выбрались из машины.

– Наполеонов Александр Романович, следовательно, – представился Наполеонов.

– Миша, простите, Муромцев Михаил Иванович.

– Где погибшая?

– Там, – парень махнул рукой в сторону дома, – в ванной.

Группа поднялась в дом. В ванной, в воде, слегка окрашенной кровью, лежала женщина средних лет. Её лицо было удивительно спокойным. Казалось, она не жалела о случившемся и уже была не здесь, а там, куда большинство хотело бы попасть как можно позднее.

Следователь отвёл глаза, несмотря на свою молодость, он успел повидать много ушедших из этого мира не по своей воле, но так и не смог смириться с убийствами.

Картина увиденного показалась ему странной. Про себя он назвал её нарочитой. Но что именно было не так, он пока не понял. Предоставив экспертам и фотографу заниматься своим делом, Наполеонов увёл парня в комнату, это оказалась гостиная, заставленная тяжёлой мебелью.

– Антиквариат, – подумал следователь.

Угадав его мысли, Михаил произнёс:

– Тётя Ира любила старинную мебель.

– Погибшая доводится вам тёткой? – спросил Наполеонов, усаживаясь за стол и начиная писать шапку протокола.

– Не совсем, – тихо ответил парень.

– Что значит не совсем? – удивился следователь, пристально вглядываясь в лицо Муромцева.

– Тётя Ира была подругой моей матери. Они дружили со школы, и я знал её всегда, ну то есть с тех пор, как меня принесли из роддома.

– Понятно. Документы у погибшей имеются?

– Да, конечно, – Михаил встал, открыл один из ящиков и положил перед следователем паспорт.

– Вы здесь так хорошо ориентируетесь? – спросил Наполеонов как бы мимоходом.

– Да. Тётя Ира долго болела, лежала, я ухаживал за ней.

– А что с ней было?

– Её сбил пьяный водитель и уехал.

– Его нашли?

– Не думаю, чтобы хорошо искали, – обронил Михаил.

– Понятно. – Наполеонов раскрыл паспорт и прочитал вслух: – Селиванова Ирина Максимовна. 19... года рождения.

Следователь быстро посчитал, что погибшей было всего 49 лет.

– А почему ухаживали вы? – спросил он Муромцева.

– Так получилось...

– У Ирины Максимовны есть родственники?

– Только сын, вернее пасынок.

– Почему не он?

– Они... не знаю, как сказать... – замялся Муромцев.

– Скажите как есть.

– Ну, они не ладили, и тётя Ира не хотела, чтобы он был

рядом.

– Его имя, фамилия, телефон, адрес.

– Аркадий Павлович Селиванов, адрес и телефон сейчас посмотрю в тётки-Ириной записной книжке.

Он снова открыл ящик, пошарил и достал оттуда не книжку, а целую тетрадь, весьма потрёпанную.

Михаил открыл её на нужной странице и протянул следователю:

– Вот.

– Ирина Максимовна была вдовой?

– Нет, с мужем, отцом Аркадия, они давно развелись. Больше тётка Ира замуж не выходила.

– А Аркадий рос не с отцом?

– Нет, он его тётке Ире оставил.

«Хорош подарок», – подумал Наполеонов. А вслух спросил:

– А ваша мама часто навещала подругу?

Михаил быстро замотал головой.

– Почему?

– Мама нет уже 5 лет.

– Простите...

– Ничего.

В дверь заглянул судмедэксперт.

– Ну, – спросил Наполеонов.

– Она умерла примерно час назад, остальное после вскрытия, – сказал Зуфар Раисович.

– Это не могло быть самоубийством? – спросил следователь.

Судмедэксперт пожал плечами.

– После вскрытия, – и нехотя добавил: – На руках вскрыты вены.

Наполеонов кивнул.

– Тётя Ира не могла сама, – уверенно сказал Михаил, – она как раз начала выздоравливать.

– Миша, а где вы работаете? – неожиданно спросил следователь.

– Я учусь.

– Где?

– На пятом курсе медицинского.

– Понятно...

– До того как с тётей Ирой случилось несчастье, я подрабатывал, дежурил санитаром в больнице. А потом уволился и всё время был с ней.

– А сегодня?

– Тётя Ира стала ходить и вообще со многим справлялась сама, поэтому вот уже две недели как я стал жить дома, а её навещать.

– Почему же сегодня вы так поздно оказались в этом доме?

– Тётя Ира позвонила мне и попросила приехать, а я...

– А вы?

Муромцев закусил губу, ругая себя на чём свет стоит.

– Я, я был с девушкой... В общем, пока проводил её, приехал и вот, – Михаил махнул рукой и отвернулся. Его плечи судорожно вздрогнули.

«Если бы я не встречался сегодня с Вероникой, а, как и хотел вчера, сразу поехал к тётке Ире, то ничего бы этого не было. Это я во всём виноват», – думал Муромцев.

Словно издали к нему пробился голос следователя:

– На чём вы добирались сюда?

– Я остановил частника, – машинально ответил Михаил.

– Вы помните, во сколько это было?

– Точно не помню, я не смотрел на часы. Помню только, что торопился.

– Номера машины, вы, конечно, не помните?

– Не помню, – грустно подтвердил предположения следователя Михаил.

– А марку машины?

– Тёмная «девятка».

– Водителя описать можете?

– Могу, но зачем?

– Опишите.

– Лысоватый мужчина, лет 55 или немного старше. Очень весёлый и всю дорогу рта не закрывал.

– О чём вы говорили?

– Я молчал, так как нервничал, а он анекдоты про тещу рассказывал и пытался подражать голосу Винокура.

– Какие-то особые приметы?

– Нет, особых примет не запомнил...

– Жаль.

– Хотя! У него на правой руке было кольцо, такое здоровое, и на нём морда козла.

– Кого?!

– Козла.

– Интересно...

– А ещё он сказал, что нам по пути.

– То есть?

Михаил пожал плечами.

– Не знаю, что это значит, я тогда не придавал этому значения и вспомнил только сейчас, потому что вы спросили...

– А с сыном Ирины Максимовны вы часто встречались?

– С Аркашей?

– У неё ещё был один сын?

– Нет, простите. С Аркашей мы как бы вместе росли, учились в одной школе, он на два класса старше, наши мамы постоянно вместе отдыхали, ну и мы при них. А потом лет в 16 уже как-то каждому из нас хотелось быть со своими друзьями, ну вы понимаете?

– Вполне.

– В 17 лет Аркаша связался с какой-то дурной компанией, тётя Ира сильно переживала. Потом она надеялась, что он поступит в институт, но ему не хотелось учиться.

– И чем же он занялся?

– Тётя Ира всё-таки уговорила его, и деньги за учёбу за-

платила. Он проучился пару лет в университете, а потом его отчислили. Работать он тоже не захотел...

– На что же он живёт?

– Тётя Ира давала ему деньги. Ругалась, плакала, но давала.

– Сколько лет было Аркадию, когда отец ушёл из семьи?

– Не помню, маленький он был ещё.

– Ирина Максимовна не пыталась вернуть его отцу?

– Нет, ей жалко было Аркашу. Она считала, что с отцом он пропадёт, покатится по наклонной плоскости.

– Насколько я понимаю, он и с ней покатился?

– Ну не совсем. Просто Аркаша ленивый, привык к лёгкой жизни.

– А Ирина Максимовна не говорила вам, что ей надоело содержать пасынка и она больше не даст ему денег?

– Нет, мне она ничего такого не говорила.

– Они ссорились когда-нибудь?

– Постоянно.

– В вашем присутствии?

– Нет, тётя Ира жаловалась, сначала маме, когда она была жива, потом мне. При мне ругались только по телефону, но я сразу же выходил из комнаты.

– Вы не знаете, кому достанется этот дом и всё остальное?

Миша пожал плечами.

– Аркадию, наверное, кому же ещё.

– Ирина Максимовна составляла завещание?

– Понятия не имею, мы никогда не говорили на эту тему.

– А откуда вообще такой дом и всё остальное? – Наполеонов обвёл глазами дорожную мебель.

– Отец тёти Иры основал свой бизнес. Начиная с кооперативов, потом открыл свой обувной магазин, постепенно появился ещё один и ещё. Когда Максима Егоровича не стало, тётя Ира сама занялась магазинами, но потом часть бизнеса продала, оставив один магазин себе.

– А кому именно она продала остальные магазины?

– Братьям Артамоновым.

– Они не пытались уговорить Ирину Максимовну продать и оставшийся магазин?

– Насколько мне известно, не пытались.

– Скажите, Михаил, а вам Ирина Максимовна, – следовательно сделал паузу, подбирая слова, – скажем так, не помогала материально?

Парень покраснел до корней волос и замотал головой.

– Нет, вернее, она предлагала, но я отказался.

– Почему?

– Я же не инвалид, руки, ноги, голова целы.

– Но студенту жить нелегко.

– Многим нелегко. Так что теперь, паразитом становиться? – Глаза парня сердито засверкали.

– Почему сразу паразитом. Разве это плохо, когда кто-то близкий помогает встать на ноги?

– Не знаю. Но я сам о себе позабочусь. Впрочем, пока я

жил с тётей Ирой, питался её продуктами.

– Она платила вам за уход?

– Да вы за кого меня принимаете?! Она мне как родная тётя! Какие деньги! – возмутился парень.

– Но она говорила вам об оплате.

– Один раз заикнулась, – нехотя признал Муромцев.

– А вы?

– Что я?! – выпустил он иголки. – Я спросил, если бы моя мама заболела, она стала бы брать с неё деньги. Тётя Ира всё поняла, и больше у нас об этом разговора не было.

– Когда вы сегодня сюда приехали, то не вызвали «Скорую». Почему?

– Вы забываете, я учусь в медицинском и сразу понял, что нужна только полиция.

– И всё же?

– Вы что, подозреваете меня? – искренне удивился Михаил.

– У меня работа такая, положено всех подозревать.

– Да, наверное...

– А вы сами кого-то подозреваете?

– Я?! Нет...

– Аркадий мог убить мачеху?

– Не думаю. И она ему не совсем мачеха...

– То есть? Вы же сами только что говорили.

– Наверное, вы меня не совсем правильно поняли или я неточно выразился.

– Так выразитесь точно.

– Тётя Ира усыновила Аркадия.

– То есть стала его приёмной матерью.

– Выходит, так.

– А как у неё было с личной жизнью?

– У кого? – вытаращил глаза Муромцев.

– У покойной.

– Я не понимаю, что вы имеете в виду, – проямлил парень.

– У Ирины Максимовны был близкий друг?

– Я её друг.

– Я имею в виду...

– Ах, любовник, что ли? – дошло до Муромцева. – Нет, не было. Она говорила, что после развода с Аркашкиным отцом видеть никого из мужчин не может.

– А друзья, подруги?

– Какие-то знакомые у неё были, но близких я не знаю.

Если только тётя Света.

– Кто это?

– По-моему тётя Ира с ней на курорте в Турции познакомилась лет пять назад, и они иногда встречались, перезванивались.

– Как зовут эту подругу полностью?

– Не знаю. Тётя Ира её Светой звала.

– Угу.

– Но её телефон наверняка есть в тёти-Ириной книге и,

скорее всего, именно под именем «Света».

– Посмотрим, – Наполеонову не хотелось думать о том, что Свет там может быть не один десяток.

Он придвинул к Муромцеву протокол допроса, попросил прочитать и расписаться.

Михаил молча выполнил его просьбу. На фразу следователя о том, что им, скорее всего, придётся встретиться ещё не один раз, парень ответил, что готов ходить в отделение полиции хоть два раза в день, лишь бы был толк и убийца был пойман. Наполеонов не стал говорить, что, возможно, Селиванова сама свела счёты с жизнью.

Незавибатько сообщил, что отпечатки пальцев имеются практически повсюду, но, скорее всего, большая часть их принадлежит хозяйке и Муромцеву. Более исчерпывающий ответ будет позже.

После того как приехали санитары и увезли тело, группа опечатала дверь и уехала. А Михаил Муромцев ещё долго стоял на пронизывающем ветру в оцепенении и очнулся только тогда, когда снова полил дождь. Он тяжело вздохнул и пошёл на остановку сначала медленно, потом быстрее и наконец почти бегом. Несмотря на это, он всё равно промок почти насквозь, хорошо, что автобус пришёл сразу и ему не пришлось мёрзнуть на остановке.

Глава 3

«Осень всё-таки пришла», – сердито подумал следователь, когда и на следующий день продолжил лить дождь.

Перед его мысленным взором невольно нарисовалась гостиная в коттедже его подруги детства Мирославы Волгиной. В гостиной был чудесный камин под старину. При похолодании в нём зажигали огонь. И как же хорошо было лежать перед этим камином на толстом ковре и смотреть на танец огня за узорной решёткой.

«Вот бы оказаться сейчас там», – мечтательно подумал Наполеонов. Он даже глаза закрыл, предвкушая удовольствие. Ноздри его непроизвольно расширились, как бы вдыхая аромат потрескивающих поленьев. Но он тотчас замотал головой, прогоняя прочь завораживающее видение. Удовольствие придётся отложить на неопределённое время. В этот дождливый день ему светило не лежание на ковре перед камином, а напряжённая работа в казённом кабинете, в окна которого неизвестно ещё сколько времени будет стучаться противный холодный дождь.

Усевшись за свой рабочий стол, Наполеонов решил ознакомиться с записной книжкой Селивановой Ирины Максимовны. Наполеонов был удивлён тем, что общалась она только по городскому телефону, сотового у неё не было. Это подтвердил и Муромцев.

Книжка была потрёпанной, первая запись в ней относилась к началу девяностых годов прошлого века. Многие адреса и номера телефонов были зачёркнуты. Возле некоторых фамилий стояли новые координаты. В то же время многие адресаты, по всей вероятности, выпали из жизни Селивановой, так как были просто перечёркнуты. Пролистав книжку до конца, следовательно вздохнул.

«С одной стороны, хорошо, что новых абонентов в последние годы появилось не так уж много, – думал следователь, – с другой стороны, как-то странно, что молодая ещё женщина столь заметно сократила круг общения. Хотя объяснение для этого может быть найдено совсем простое – Селиванова после продажи основной части своего бизнеса перестала общаться с поставщиками, рекламщиками, сотрудниками, отошедшими Артамоновым и прочим деловым людом».

Следователь выписал телефоны и имеющиеся адреса всех женщин по имени Света и Светлана. К счастью, их оказалось всего пятеро. К тому же Наполеонов мысленно поблагодарил покойную за пунктуальность. Возле каждой Светы стояла дата её появления в жизни хозяйки записной книжки. Звонить пока по ним он не стал.

Заинтересовал его телефон некой Дарины Лавренковой, потому что рядом с телефоном была приписка, сделанная, по всей видимости, рукой самой хозяйки записной книжки – мой личный парикмахер.

Наполеонов не раз и не два слышал от подруг своей матери, что личный парикмахер это лучший психотерапевт.

Он даже как-то завёл об этом разговор с Мирославой, но та только хмыкнула в ответ. И он решил, что в этом вопросе она разбираться никак не может, потому что ни разу не посещала парикмахера ради хорошей причёски или просто удовольствия. Хоть у неё и были длинные, густые волосы, она с ними не церемонилась, просто мыла и расчёсывала и каждый год в апреле укорачивала. Почему именно в апреле, для Наполеонова оставалось загадкой, разгадывать которую ему было неинтересно. Сначала волосы ей укорачивала кто-то из тётушек, потом этой миссии на несколько лет удостоился Шура. Но с появлением в её коттедже Мориса он оказался не у дел: его друг Миндаугас оттеснил его и взял ножницы в свои руки.

«И пожалуйста, – вздохнул Наполеонов, – очень мне хотелось стричь всяких там Мирослав». Ясное дело, что Наполеонов пытался лукавить даже перед самим собой. Потому что Мирослава была у него одна, и ему было немного обидно. Но Волгина объяснила это просто – ты же не живёшь в моём доме, твоего появления нужно ждать, а Морис всегда под рукой. Наполеонов был согласен с её доводами, но всё же, всё же...

«Итак, с Дариной Лавренковой нужно поговорить чуть ли не в первую очередь», – пометил у себя следователь. Ломал он голову и над тем, как ему проверить алиби Михаила

Муромцева. Где искать мужчину, подвозившего его в день убийства Селивановой. Примета в виде кольца с мордой козла была проблематичной. Можно было предположить, что владелец этого неординарного кольца живёт где-то недалеко от дома Селивановой, ведь не зря же он сказал Муромцеву, что им по пути. Хотя ехать он мог не к себе домой, а, например, к другу или к теще.

– Ищи ветра в поле, – пробормотал Наполеонов, хотя и знал, что искать всё равно придётся. Однако это не к спеху. У Муромцева не было мотива для убийства Селивановой. «Зато он имелся у пасынка, – подумал следователь и мысленно поправил себя: – У приёмного сына».

Телефон и адрес Аркадия Павловича Селиванова нашлись в записной книжке его приёмной матери.

«Ага, – констатировал следователь, – Аркадий всё-таки сообщил матери адрес своего фактического проживания. Из чего можно предположить, что их взаимоотношения были не так плохи, как считает Муромцев.

Выписав адрес и телефон, Наполеонов решил отложить вызов приёмного сына на следующий день, во-первых, потому что ему было необходимо завершить одно из срочных дел и передать его в суд. А во-вторых, он хотел подумать над имеющимися фактами и получить заключение от судмедэксперта, не было ли это самоубийством. Он вспомнил увиденную в ванной картину и опять подумал о том, что ему что-то в ней кажется странным. Он окинул взглядом свой стол в

поисках фотографий, сделанных на месте преступления Легкоступовым, и вспомнил, что их ему до сих пор не передали. Следователь нажал вызов секретаря и проговорил сердито:

- Элла, а где фотографии с места убийства Селивановой?
- Только что звонил Валерьян и сказал, что принесёт их сюда минуту.

Не успел Наполеонов возмутиться, как в кабинет без стука влетел запыхавшийся Легкоступов.

– Прошу прощения! – выдохнул он. – Не успел я заняться фотографиями Селивановой, как меня выдернули на другое дело и сказали срочно обработать снимки.

– И ты рад стараться? – насмешливо спросил Наполеонов.

– Там действительно было срочное дело, – сухо ответил Валериан, положил на стол следователя кучу фотографий и, пробормотав: – Как я понимаю, я сам здесь не нужен, – направился к двери.

– Художник, – пробормотал ему вслед Наполеонов и стал раскладывать снимки на столе.

Здесь было на что посмотреть, и следователь выругался сквозь зубы. Он не понимал, зачем нужно было крупным планом снимать розовую плитку в ванной с изображением купающихся наяд. От одного этого вида Наполеонова начало мутить. Но тут он обратил внимание, что светло-розовая плитка над ванной и вода в ванне почти совпадают по цвету.

– Вот! – сказал он вслух. Следователь понял, что подозрительным ему с самого начала показался именно цвет воды.

Почему так мало крови, если Селиванова перерезала вены.

Продолжая рассматривать фотографии, Наполеонов больше не ругал фотографа. Ведь если бы не его художественно снятая плитка светло-розового цвета с этими противными морскими девами, он мог бы ещё несколько дней ломать голову над каким-то трудно уловимым несоответствием на месте смерти женщины.

Следователь снял трубку и стал названивать судмедэксперту. Сначала трубку никто не брал. Но потом Илинханов соизволил отозваться лично.

– Кому так не терпится? – спросил он.

– Мне! – завопил Наполеонов и обрушил на Илинханова весь запас имеющегося у него красноречия. Он догадывался о том, что Илинханов закатывает глаза и готовится прервать поток льющих на него комплиментов и мольбы, но следователь не дал ему такой возможности.

И Наполеонову таки удалось уговорить судмедэксперта представить ему утром заключение – сама ли гражданка Селиванова свела счёты с жизнью или ей кто-то помог.

Зуфар Раисович Илинханов что-то пробурчал себе под нос, потеревил свои густые чёрные усы и пообещал пойти следователю навстречу.

На радостях Наполеонов с головой ушёл в работу и не заметил, как пролетел хмурый день, который, по идее, должен был ползти со скоростью улитки, потерявшей панцирь.

Домой Шура пришёл пораньше, за окном всё так же моросил дождь, из гостиной доносились звуки рояля. Это музицировала его мама. Судя по тому, что в прихожей не было чужой обуви, верхней одежды и зонтов, она была одна.

Но, по-видимому, он ошибся, потому что вскоре до слуха Шуры донёсся тихий девичий голосок.

«Ага, – подумал он, – зонт и курточку сунула в мешочек, а на ноги надела бахилы...» Лично ему претили эти новшества. И в самом деле, что может быть уютнее мягких домашних тапочек, даже если они гостевые.

Правда, когда он однажды высказал эту мысль Мирославе, она пожала плечами и объяснила, что многие боятся с чужих тапочек подцепить какую-либо инфекцию.

Но всё же большая часть учеников и учениц его матери либо надевали гостевые тапочки, либо проходили в носках и колготках. А одна девушка всегда приносила такие красивые вязанные носочки, что Шура не мог оторвать глаз от её ног. Заметив это, Софья Марковна сделала сыну замечание:

– Шура, неприлично так рассматривать девичьи ноги.

А девушка в ответ рассмеялась:

– Софья Марковна, он не на ноги мои смотрит, а на носки.

И, обратившись к Шуре, спросила:

– Александр Романович, хотите, моя бабушка и вам такие свяжет?

Он, не подумав, ляпнул – хочу! А когда девушка принесла их, уже было поздно отказываться. Зато теперь он мог доста-

вать из шкафа эти чудесные носки и любоваться ими. Носить такую красоту Шуре было жалко.

Наполеонов на цыпочках прошёл на кухню, достал из холодильника пакет с молоком и уже собирался разрезать пополам батон, как в дверях появилась моложавая высокая женщина с пышной причёской – Софья Марковна Наполеонова.

– Ты сегодня рано пришёл, Шурочка, – проговорила она ласково.

– Так получилось, мам.

– Ну вот и хорошо, я сейчас тебе разогрею суп и котлеты с картошкой.

– Мама, я сам, иди занимайся.

– Вижу я твоё «сам», – шутливо нахмурилась Софья Марковна и вскоре перед Шурой стояла вкусно пахнущая тарелка с куриным супом.

– Второе в духовке, сам возьмёшь.

– Спасибо, ма, – проговорил Шура с набитым ртом.

Софья Марковна погладила сына как в детстве по рыжевато-русые волосы и ушла в гостиную, где её ждала одна из учениц.

* * *

Софья Марковна Наполеонова была когда-то известной пианисткой. объездила почти весь мир. Потом преподавала.

Теперь время от времени давала уроки музыки и консультировала на дому.

Шурочка был у неё поздним ребёнком. Сначала было некогда обзаводиться семьёй. С возрастом появились новые проблемы. Но в конце концов Софья Марковна всё-таки остановила свой выбор на молодом талантливом учёном. Родился Шурочка, к великой радости обоих.

Увы, семейное счастье длилось недолго. Супруг Софьи Марковны вылетел на симпозиум в Японию. Самолёт до Токио не долетел.

Замуж Софья Марковна больше не пошла. Всю оставшуюся любовь она отдала сыну. Конечно, она надеялась, что Шурочка станет великим музыкантом... или, на крайний случай, займётся наукой. Но увы! Шурочка выбрал юридический и стал следователем.

Первое время Софья Марковна безумно страдала от выбора сына, но виду не показывала. А потом ничего, привыкла и смирилась с нелёгкой профессией единственного сына. И когда старинные подруги Софьи Марковны иногда сочувственно вздыхали:

– Софи, зачем ты позволила мальчику выбрать такую опасную профессию?..

Софья Марковна отвечала:

– Во-первых, Шурочка уже давно не мальчик, а взрослый мужчина, а во-вторых, – горько напоминала она, – наука не представляется опасной профессией, однако мой супруг...

– Да, да, Софочка, ты права, – торопились согласиться по-други.

Больше её волновало другое – то, что Шурочка всё ещё не женат и даже не собирается. Она пробовала знакомить его со своими ученицами. Сын был галантным кавалером. Особенно охотно он соглашался проводить девушку домой, чтобы едва за ней закроется дверь облегчённо забыть о её существовании.

* * *

Спустя два часа Софья Марковна заглянула в комнату сына.

– Шура, тебе Мирослава звонила.

– А чего сразу не сказала?!

– Хотела, чтобы ты по-человечески поел и хоть немного отдохнул.

– Ма! Ну вдруг что-то срочное?!

– Было бы срочное, она позвонила бы не на домашний, а тебе на сотовый.

В общем-то мать была права, но Шура всё равно сделал вид, что сердится...

Софья Марковна, прекрасно знавшая своего сына, только фыркнула и уплыла на кухню.

А Шура сразу же позвонил Мирославе. Её сотовый не отзывался, и Наполеонов набрал номер агентства.

– Детективное агентство «Мирослава» слушает, – прозвучал в трубке приятный голос Мориса Миндаугаса.

– Морис, привет! Мне Слава звонила. Где она там?

– По-моему, пошла в гостиную.

– У вас там небось камин горит? – с плохо скрываемой завистью проговорил Наполеонов.

– Нет, пока ещё не разжигали.

У Шуры вырвался вздох облегчения, но всё-таки он не смог удержаться, чтобы не попенять другу:

– А чего вы ждёте?

– Не чего, а кого, – ответил Морис, и Наполеонов догадался, что он улыбается. – Позвать Мирославу? – спросил Миндаугас.

– А ты не знаешь, чего она мне звонила?

– Сказала, что просто соскучилась.

– Так и сказала? – не поверил Шура.

– Так и сказала, – подтвердил Морис.

– Ага, тогда не зови, просто скажи, что я звонил.

– Так ты сегодня не приедешь?

– Нет, – хмыкнул Наполеонов в трубку, – я сегодня примерный сын и домашний мальчик. – Шура потянул носом, с кухни наплывал волшебный аромат булочек с корицей. – Пока, пока, – проговорил он в трубку и отключился.

– Ма, мы скоро чай пить будем?

– Скоро. А ты разве не помчишься к Мирославе?

– Сегодня нет.

– Ну вот и славно, в кои-то веки почаёвничаем вдвоём, – умиротворённо прозвучал голос Софьи Марковны.

– Можно подумать, мы с тобой не чаёвничаем, – проговорил Наполеонов, входя в кухню. Он прищурил свои желтовато-зелёные глаза и с улыбкой посмотрел на мать.

– Как ты похож на отца, – вздохнула она, расставляя на столе тарелки, вазочки и чашки.

Глава 4

В 6 утра раздался звонок сотового, Наполеонов нащупал телефон на столе, разлепил глаза и сонным голосом пробормотал:

– Слушаю.

– Всё ещё спим, капитан, – раздался насмешливый бодрый голос Илинханова.

Вместо того чтобы возмутиться, следовательно, уже окончательно проснувшись, ответил:

– Досыпаем, Зуфар Раисович, – и наострил уши, прекрасно понимая, что просто так уважаемый судмедэксперт называть ему с утра пораньше не станет. И оказался прав.

– Знаете, капитан, наша потерпевшая сначала приняла лошадиную дозу снотворного, потом утонула...

– Как так утонула?! – не выдержал Наполеонов.

– Да, об этом говорит вода в её лёгких.

– А как же перерезанные вены?!

– По ним полоснули бритвой, когда она уже умерла. Поэтому и вода в ванной чуть розовая.

– Спасибо, Зуфар Раисович.

– Пожалуйста, отчёт предоставлю позже.

– Хорошо.

Наполеонов отключился и задумался: «Так вот в чём дело... Но убийца, должно быть, сумасшедший! Зачем сначала

топить человека, а потом резать ему вены. Или нетерпеливый наследник, желающий довести своё чёрное дело до конца? Нет, всё равно он псих! Если бы после снотворного женщина просто утонула, то у убийцы была возможность списать всё на самоубийство. А этот дилетант явно перестарался».

Наполеонов бегом бросился под душ, а потом на кухню, надеясь наскоро перекусить и улизнуть на работу, пока мать ещё сладко спит.

Но не тут-то было. Софья Марковна проснулась, видимо, услышав звонок сотового. Наполеонов мысленно хлопнул себя по лбу: «Вот балда! Опять забыл на ночь закрыть дверь своей комнаты». Но, скорее всего, Наполеонову разбудило материнское чутьё. И теперь она жарила сыну яичницу с ветчиной и помидорами. Аккуратно намазанные маслом тосты уже лежали на тарелке. Поверхность горячего кофе в чашке покрывала радужная пена.

В доме Мирославы Волгиной кофе не пили. Но дома Шура был не прочь выпить чашечку-другую. Для начала он зачерпнул из вазочки чайной ложкой клубничное варенье и быстро отправил его в рот.

Софья Марковна стояла спиной к сыну, но тут же сделала ему замечание:

– Шура, ты опять испортишь себе аппетит!

– Ма! Но как ты?

– Что «как ты»? – спросила она, оборачиваясь и лукаво улыбаясь.

– Как ты увидела, если стояла спиной? У тебя что, глаза на затылке или ещё в каком-то потаённом месте?

– У меня ушки на макушке! – сказала она и тихонько хлопнула сына полотенцем. – И я слышу, как ты звякаешь ложкой.

– Ма! Пожалуй, тебе пора всё-таки менять род трудовой деятельности, – проговорил он, сурово сдвинув брови.

– Что ты имеешь в виду? – удивилась она.

– А то! Хватит тебе брэнчать на пианино. Пора заниматься серьёзными делами! Вот поговорю с начальством и трудоустроим тебя к нам.

Она рассмеялась и погрозила ему пальцем. Потом спохватилась и быстро переложила поджарившуюся яичницу на две тарелки – ему побольше, себе чуть-чуть.

– Хотя в одном ты всё-таки ошиблась, ма, – проговорил он, тыкая вилкой в горячую яичницу.

– И в чём же?

– А в том, – он на миг выпустил из рук нож и поднял указательный палец вверх, – что мой аппетит невозможно испортить ничем!

Посмотрев на рожицу, которую ей скорчил сын, Софья Марковна весело рассмеялась. Потом вытерла выступившие от смеха слёзы и сказала:

– Тут ты, пожалуй, прав! А я дала маху.

Аркадий Селиванов, вызванный следователем на утро сегодняшнего дня, явился в отделение в сопровождении оперативника.

Радости от знакомства с Наполеоновым он явно не испытывал. На сообщение о смерти приёмной матери отреагировал как-то уж слишком спокойно. Ни тебе удивления, ни заламывания рук, ни даже намёка на потрясение и скорбь. Впрочем, сказал же Муромцев, что приёмная мать и сын не ладили. Но в то же время он жил на её средства...

«Что ж, теперь он получит наследство и будет жить припеваючи», – подумал следователь, разглядывая Селиванова.

– Садитесь, – проговорил Наполеонов, по-прежнему не сводя глаз с набычившегося и застывшего возле двери Аркадия.

– Вы позвали меня только для того, чтобы сообщить о смерти мачехи? – ещё больше нахмурился Селиванов. – Чего же столько тянули?

– Не только, – отозвался следователь, – вы садитесь, Аркадий Павлович, разговор у нас будет долгий.

Про себя Наполеонов отметил, что Селиванов назвал убитую не приёмной матерью, а именно мачехой. С чего бы это?

– О чём нам с вами говорить? – огрызнулся тем временем Селиванов.

– Два интеллигентных человека всегда найдут подходящую тему для разговора, – проговорил следователь, усаживаясь за стол.

Селиванов презрительно фыркнул.

Наполеонов проигнорировал скепсис подозреваемого. Да, именно подозреваемого – так он решил для себя и продолжил:

– Вы, я вижу, не слишком шокированы смертью Ирины Максимовны?

– С чего бы это я должен шокироваться, – хмыкнул Аркадий. – Она долго болела, и можно было ожидать чего-то подобного.

– Ваша мать уже почти оправилась от последствий аварии.

– Мать, – сердито передразнил его Селиванов, но под прессом неодобрительного взгляда следователя взял себя в руки и проговорил: – Вот именно почти. Она была немолода. Больное сердце и всё такое.

– Не думаю, что сорокадевятилетнюю женщину можно назвать старой. И умерла она вовсе не от болезни.

– А отчего же она ещё могла умереть? – впервые нотки недоумения прозвучали в голосе Селиванова.

– Её нашли в ванной с перерезанными венами. – Наполеонов не сводил взгляда с лица Селиванова, но на нём не отразилось ничего.

– Значит, она устала и покончила с собой, – пробурчал Аркадий.

– А перед этим выпила упаковку снотворного.

– Ну, чтобы не так страшно было покидать этот свет, – улыбнулся сыночек.

– Понятно. Но перед тем как перерезать себе вены, ваша мать утонула.

– Что вы такое несёте? – возмутился Аркадий. На его лице появилось выражение недоумения и раздражения, слитые воедино. Он, кажется, действительно не понимал и оттого злился.

Следователь проигнорировал его вопрос и задал свой:

– Где вы были позавчера вечером с 23 до часу ночи?

– Вы что же, думаете, что я свою мачеху утопил и зарезал? – довольно искренне изумился Селиванов.

– Вы не ответили на мой вопрос, – напомнил следователь.

– Дома я был, – буркнул Селиванов.

– Один?

– Почему один?! С Милкой.

– Кто такая Милка?

– Моя подруга. Мы вместе живём.

– И она может это подтвердить?

– Куда же она денется?! – усмехнулся Селиванов.

– Имя, отчество, фамилия вашей Милки?

– Людмила Анатольевна Горбункова.

– Она сейчас дома?

– Нет, работает она в магазине.

– В каком?

– По продаже готового платья.

– Адрес.

– Чей адрес?

– Магазина.

– Щелканова, 21а.

Наполеонов набрал номер, а когда в трубке отозвались, быстро проговорил:

– Василиса Никитична, пусть кто-нибудь из твоих оперативников сгоняет по адресу: Щелканова, 21а, и в магазине одежды допросит Людмилу Анатольевну Горбункову на предмет того, где с одиннадцати до часу ночи, – Наполеонов назвал дату, – находился её сожитель Аркадий Павлович Селиванов. – Наполеонов положил трубку.

– Я не сожитель, а гражданский муж, – неожиданно обиделся подозреваемый.

– Гражданским мужем станешь, когда свою девушку в загс сводишь.

– Ещё чего, – фыркнул Селиванов.

– Вам знаком Муромцев Михаил Иванович?

– Да, Мишку я знаю с детства.

– Какие у вас с ним отношения?

– Никаких. Когда-то вместе замки из песка строили и прочее. Но как выросли из коротких штанишек, наши пути-дорожки разошлись.

– Отчего же?

– Мишка у нас нос свой из учебников не вытаскивал. Бо-

тан, короче!

Наполеонов припомнил внешность Муромцева и подумал, что ботаном его назвать сложно.

– Давно вы его видели? – спросил он у Селиванова.

– Не помню.

– То есть?

– Это значит, что очень давно, – насмешливо проговорил Аркадий.

– Вы знали, что Муромцев ухаживает за вашей матерью?

– Слухи об этом доходили до меня, – неопределённо отозвался Селиванов.

– И вас это не удивило?

– А чему тут удивляться? – Аркадий пожал плечами и процедил сквозь зубы: – Мишка у нас будущее светило медицины. – Аркадий криво усмехнулся.

– И вы были против того, чтобы Михаил Иванович ухаживал за Ириной Максимовной?

– Не был я против. Не был! Мне было всё равно, кто за ней ухаживает. И к тому же моего мнения никто не спрашивал!

– Как же так, ведь Ирина Максимовна вырастила вас, можно сказать, заменила вам родную мать?

– Чего вы ко мне привязались?! – огрызнулся Аркадий и, весь ощетилившись, зло проговорил: – Никто её об этом не просил! Тоже мне благодетельница сыскалась!

– Тем не менее после того как вас бросил ваш родной отец, Селиванова не сдала вас в детский дом.

– Ну не сдала, что ж мне теперь всю жизнь ей ноги мыть и воду пить?!

– За что вы так не любите свою приёмную мать?

– Я не люблю? Кто это вам сказал? Мишка, что ли?

– Вы сами своим поведением.

– Просто она достала меня! Аркаша, учись! Аркаша, возьми за ум, пока не поздно! Аркаша, иди работать! Аркаша, то, Аркаша, другое! – передразнил он голос покойной Селивановой.

– А вы не хотели ни учиться, ни работать?!

– Ну не хотел! И что?

– Ничего, кроме того, что вы продолжали жить на её деньги.

– Какие деньги?

– Которые она выдавала вам каждый месяц.

– Значит, Мишка всё-таки проболтался.

– У полиции и кроме Мишки есть источники.

– Источники у них есть. Ха! Ну да, перечисляла она мне деньги на карточку. – Аркадий с вызовом посмотрел на следователя. – Но это были не деньги, а так, кошкины слёзы, чтобы только с голоду не сдох.

– А она что, обязана была кормить вас до вашей пенсии?

– Да вы хоть знаете, сколько у неё бабла?!

– Расскажите, узнаем.

– На эти деньги вдесятером можно было сто лет жить, ни в чём себе не отказывая. – Аркадий сверкнул на следователя

обозлённым взглядом.

– Но вы-то к этим деньгам отношения не имеете, – делано-равнодушно проговорил Наполеонов.

– Как это не имею, – взвился Аркадий, – когда я её сын?!

– Уже сын? – усмехнулся следователь.

– Сын, сын, она меня усыновила!

– Значит, вам было недостаточно денег, выдаваемых Ириной Максимовной?

– Недостаточно! – горячо подтвердил Селиванов и добавил: – Недостаточно – это мягко сказано!

– Тогда почему вы сами не устроились на работу?

– Я, на работу? – Аркадий поперхнулся и вытаращил глаза на следователя.

– Вы, на работу, – подтвердил Наполеонов.

– Я это, я, может, философ по жизни. Вот Диоген сидел себе в бочке, и никто его не трогал.

– Ну это ещё как сказать. И, ко всему прочему, Диоген не требовал денег у кого бы то ни было.

– Он вам это сам сказал? – усмехнулся Аркадий. – Лично?

Наполеонов проигнорировал неумные остроты подозреваемого, думая о том, задержать его или пока рано. Решил пока ограничиться подпиской о невыезде.

– Прочитайте и подпишите протокол допроса.

– Зачем читать, господин следователь, я вам и так верю, – оскалился Аркадий. – У нас же в полиции работают только кристально чистые люди. Как это говорил товарищ Дзер-

жинский, «холодная голова, горячее сердце и чистые руки». Кстати, а где у вас его портрет? Нетути? На свалку истории выбросили? – продолжал веселиться Селиванов.

– И вот это, – сказал следователь, пододвигая ему бумагу.

– Что это?

– Подписка о невыезде.

– Так вы что же, – скорчил обиженную мину Аркадий, – вы что же, думаете, что я садист? Изувер?!

– Селиванов! Подписывайте и выметайтесь!

– Я этого так не оставлю, я...

– Вы хотите, чтобы вас задержали прямо сейчас? – невинно поинтересовался Наполеонов.

С Аркадия моментально слетела вся спесь.

– Ничего такого я не хочу, – буркнул он. И поставил свою подпись.

– Давайте ваш пропуск, я подпишу.

Выватив из рук следователя бумагу, Селиванов не удержался и дурашливо раскланялся.

– Будьте любезны. Благодарствую.

– Идите к чёрту!

– Зачем же так грубо? А ещё что-то про интеллигентных людей говорили.

Наполеонов с преобладающим бы удовольствием хорошенько врезал подозреваемому, но, увы, не положено.

Глава 5

Оперативник Ринат Ахметов, получив задание от Воеводиной поговорить с сожительницей подозреваемого с целью установления его алиби, отправился в магазин готовой одежды на Щелканова, 21а.

Магазин находился в одном из спальных районов города в старом сером здании на первом этаже. С первого взгляда было ясно, что магазин рассчитан на покупательниц со средним достатком.

В торговом зале находились три девушки. Одна из них, увидев Рината, сразу направилась к нему и с доброжелательной улыбкой спросила:

– Вы хотите что-то приобрести для жены?

Ринат покачал головой.

– Для мамы или подруги? – продолжала улыбаться девушка. – У нас широкий выбор.

Ринат уже прочитал на бейджике, что девушку зовут Клавдией, поэтому проговорил:

– Клава, мне бы с Людмилой Горбунковой поговорить.

Краем глаза Ахметов наблюдал за двумя другими девушками, они о чём-то шептались и тихо посмеивались.

Девушка смешно наморщила носик, озорно стрельнула глазами и спросила:

– А вы ей кто?

– Капитан Ринат Ахметов, – представился он и показал своё удостоверение.

Клавдия, утратив к нему интерес, крикнула через весь зал:

– Мила! К тебе тут из полиции пришли!

Две другие девушки сразу стали серьёзными, и одна из них, блондинка хрупкого телосложения, сразу направилась к нему.

– Я Людмила Горбункова, – сказала она, подойдя, – а что, собственно, случилось?

– Где бы мы могли с вами поговорить, не привлекая внимания посторонних?

– Да, какие же они посторонние, – начала говорить девушка, но, увидев выражение лица Ахметова, произнесла: – Ну, что же, идёмте, – и пошла в сторону одной из дверей. Ринат последовал за ней. Вскоре они оказались в маленькой захламлённой комнате. Девушка скинула с двух стульев лежащие на них платья, сарафаны и что-то ещё. На один стул она села сама, другой пододвинула Ринату.

– Садитесь, пожалуйста. Так о чём вы хотели со мной поговорить?

– Вам знаком Аркадий Селиванов?

– Да, это мой парень. А в чём, собственно, дело?

– Вы живёте вместе?

– Вы что, из полиции нравов? – усмехнулась девушка.

– Нет, я из отдела по расследованию убийств.

– Убийств? – лицо девушки вытянулось. – Но при чём

здесь я и Аркаша?

– Убита приёмная мать Аркадия Селиванова.

– Что?

– Её напоили снотворным, потом утопили в ванной и плюс ко всему ещё и вены на руках перерезали.

– Этого не может быть! – Девушка закрыла рот рукой и заметно побледнела.

– Однако это так. Поэтому, Людмила Анатольевна, мне нужно поговорить с вами.

– Просто Мила, – пролепетала Горбункова непослушными губами.

– Хорошо, – согласился оперативник, – просто Мила. Где вы были... – он назвал дату – с одиннадцати вечера до двух ночи.

– Дома, – удивилась девушка, – где же я ещё могла быть в это позднее время.

– А Аркадий Селиванов?

– Тоже дома.

– Он никуда не отлучался вечером в тот день?

– Ну, он ушёл из дома часов в семь.

– Куда?

– В «Кармелиту», как обычно.

– Это что?

– Типа ночного клуба.

– И до одиннадцати он уже вернулся? – не поверил оперативник.

– Да, вообще-то он планировал пробыть там дольше, но что-то у него не заладилось. Вот Серый его и привёз домой на своей колыхаге в девять вечера.

– Серый – это кто?

– Сергей Понамарёв. Они типа дружат с Аркашей.

– Аркадий часто бывает в этом клубе?

– Частенько, – неохотно признала Горбункова.

– Ночной клуб, насколько мне известно, удовольствие не из дешёвых? – вопросительно проговорил Ринат.

Девушка вздохнула.

– Так он там и спускает все деньги, что ему мать на карточку кладёт.

– И вы не возражаете?

– А что я могу поделать? – беспомощно пожала плечами девушка.

– Например, выставить его из своей квартиры, – не удержался оперативник.

– И остаться одной? – грустно улыбнулась она.

– По-моему, такая симпатичная девушка всегда может найти себе парня.

– А вы не слыхали, что на девять девчонок... – расстроено заметила Мила.

– Как же, слышал, – кивнул он, – только данные сведения устарели. Теперь уже подсчитано, что в вашем возрасте парней больше, чем девушек. И женщин становится больше, чем мужчин, только после пятидесяти.

– Неужели? – оживилась Мила. – Я не знала.

– Скажите мне, где находится этот клуб «Кармелита»? – попросил Ринат.

Она продиктовала адрес.

– А вы уверены, что Аркадий в этот вечер больше не покидал квартиру?

– Конечно, уверена. Он пьян был в стельку. Спросите у Серого, и проспал до утра. Я и утром-то его еле добудилась.

– А адрес Понамарёва у вас есть?

– Только телефон.

– Диктуйте.

Выйдя из магазина, Ринат посмотрел на прояснившееся небо и подумал, что, если не случится ничего чрезвычайного, он передаст Воеводиной добытую информацию и, вполне возможно, уйдёт домой вовремя, забежит за Гулей в садик. Хотя сегодня за ней должна была зайти Гузель.

«Вот и чудесно, – думал Ринат, – в които веки они с женой встретятся в детском саду, – он улыбнулся, – заберут дочку и, может быть, посидят втроём в кафе-мороженом, а потом погуляют в сквере возле дома. На улице распогодилось, и моим девочкам полезно будет подышать свежим воздухом перед сном».

«Конечно, свежим воздух в сквере можно было назвать с натяжкой, но всё равно там и деревья, и кустарники, и цветы. А значит, и кислород!» – оптимистично подумал Ринат и ускорил шаг.

Ему и впрямь повезло, Воеводина сказала, что на сегодня он ей больше не нужен и в пять может идти домой.

На радостях Ринат чуть не расцеловал свою начальницу. А она, точно угадав его мысли, погрозила ему пальцем, улыбнулась и указала на дверь.

Понамарёву Воеводина позвонила сама, а на встречу с ним отправила Аветика Григоряна.

Старший лейтенант Аветик Григорян, несмотря на свою молодость и горячую кровь предков, текущую в его жилах, был человеком уравновешенным и во всех сложных ситуациях сохранял голову холодной.

Сам он считал, что это у него наследственное. Он ни разу не видел, чтобы его отец, Армен Григорьевич Григорян, преподающий на кафедре теории и истории государства и права, или дед, полковник в отставке, прослуживший всю жизнь в милиции, хоть раз впадали в ярость.

Родители Аветика оказались в городе на Волге после страшного землетрясения в Спитаке. Были они тогда ещё детьми. Поэтому сам Аветик считал себя коренным, местным и взял у старшего товарища Рината Ахметова привычку называть себя русским армянином. Ринат, естественно, называл себя русским татаринном.

Следователь Наполеонов, правда, как-то заикнулся, что правильнее говорить – российский.

Но нерастерявшийся Ринат тотчас напомнил ему слова

Тургенева: «...поскреби любого русского, найдёшь татарина». Об этом же говорили Карамзин, Гоголь, Лесков, Куприн.

Ахметов не ограничился этим и назвал плеяду русских аристократических фамилий, ведущих свой род от предка татарина.

– Кстати, – добавил он, – Карамзин, Менделеев, Мечников, Павлов и Тимирязев также имеют татарских предков.

Аветик тоже успел вставить своё слово:

– Вот и Ахматова! И Айвазовский!

– Айвазовский что, тоже русский татарин? – хмыкнул Наполеонов.

– Нет, – серьёзно проговорил Аветик, – он русский армянин.

– А вообще русский это не национальность, а состояние души, – тихо заметила украинка Любава Залеская.

– Вы мне ещё Рюриков вспомните! Ишь, умники нашлись, – почему-то рассердился Наполеонов.

И тут вклинился Дмитрий Славин:

– А что, ребята, я думаю, Любава права. Вспомните, в войско князя Олега, отправившегося покорять Византию, входили: поляне, варяги, русь, северяне, радимичи, вятичи, кривичи, славяне и другие.

Наполеонов закатил глаза и ретировался. Уходя, он пробурчал:

– И кого в полицию понабрали...

Василиса Никитична сказала Аветику, что Сергей Понамарёв будет ждать его в случае отсутствия дождя за первым столиком уличного кафе «Конёк-горбунок». А если пойдёт дождь, то их встреча пройдёт внутри этого кафе.

– Вот тебе номер его телефона, – напутствовала оперативника Воеводина, – выясни, во сколько точно он привёз Селиванова домой. И спроси, почему Селиванов не остался там до более позднего времени.

Аветик кивнул и отправился на задание. Выйдя на улицу, он посмотрел на небо – ни одной тучки. До встречи оставался целый час. Григорян задумался, проехать ему две остановки на автобусе или пройти пешком, и выбрал второе.

Над первым столиком уличного кафе «Конька-горбунка» был голубой зонтик. За столиком сидел широкоплечий детина и с аппетитом ел суп харчо.

Аветик пожал плечами и подошёл:

– Извините, вы Сергей Понамарёв?

Детина поднял на него грустные голубые глаза, энергично подвигал челюстями, дожёвывая находившееся во рту, и ответил:

– Ну, предположим, я Сергей Понамарёв. А ты кто?

– Я старший лейтенант Аветик Григорян.

– Опа-на! Значит, старший? – без тени улыбки переспросил детина.

– Старший, – подтвердил Аветик.

– Ну, тогда садись, старшой! Мне вообще-то дама звони-

ла.

– Не дама, – сурово поправил его оперативник, – а подполковник Василиса Никитична Воеводина.

– А она что, не дама? – хмыкнул Понамарёв.

Глаза Аветика, напоминающие две большие черносливины, предостерегающе сверкнули.

– Ладно, уговорил, – примиряюще поднял над столом руки Понамарёв, – согласен, подполковнику не к лицу бегать по каким-то уличным кафешкам для разговоров с такой мелкой сошкой, как я. Ты чего будешь заказывать, старшой? – спросил он Григоряна.

– Ничего. Я задам вам несколько вопросов, вы на них ответите, и мы распрощаемся.

– Какой ты суровый, однако, – притворно вздохнул Понамарёв и предложил: – Спрашивай.

– Когда вы с Аркадием Селивановым покинули клуб «Кармелиту», – он назвал число.

– Да часов в восемь, наверное, и покинули.

– Точное время вы не помните?

– Извини, я на часы не смотрел.

– И сколько было времени, когда вы привезли его домой, вы тоже не помните?

– Помню! – встрепенулся Понамарёв.

Аветик бросил на него заинтересованный взгляд.

– То есть вы посмотрели на часы?

– Нет! Никуда я не смотрел!

– Но откуда же вы знаете, сколько было времени?

– Когда я Аркашу домой завёл, у Милки как раз в радио пикало, а она, нет чтобы обрадоваться, что Аркадий рано домой пришёл, так и взвилась: «Чего это ты в девять часов припёрся?!»

– То есть она была недовольна?

– Выходит, что так, – пожал плечами Понамарёв и доверительно склонился к оперативнику: – Вот что я тебе скажу, старшой: странные существа эти бабы!

– Они не существа, а люди, – поправил его Григорян.

– Скажешь тоже, люди, – отмахнулся от него Понамарёв, – какую ни возьми, все на метле летают!

Аветик не дал втянуть себя в пустую дискуссию и спросил:

– А почему Селиванов так рано покинул клуб?

– Так он не по своей воле, – вздохнул мужчина.

– А по чьей же? – удивился Аветик, но лицо его оставалось бесстрастным.

– Понимаешь, – доверительным тоном проговорил Понамарёв, – Аркаша любит швыряться деньгами, в клубе в том числе. Ну это, значит, чтобы пыль пустить в глаза.

– И что?

– А чтобы швырять деньги, нужно их иметь. Сечёшь?

– Секу.

– Аркаша нигде не работает. Милка кормит его, поит, но денег не даёт. Всё, что он имеет, это средства, что мать переводит ему на карточку. Но она в последнее время скупоп-

вата стала, – Понамарёв заговорщически подмигнул оперативнику.

– У Селиванова закончились деньги, и он решил вернуться домой? – задал уточняющий вопрос Аветик.

– Нет, дело не в этом, – отмахнулся от него Понамарёв.

– А в чём же?

– В «Кармелиту» в этот вечер пожаловал сам Гордей Дацук! – Понамарёв поднял указательный палец в направлении к куполу зонта.

– И кто это? – спросил Григорян.

– Главный кредитор Аркадия, – со значением в голосе проговорил мужчина.

– А что есть ещё и не главные?

– Да Аркадий в долгах как в шелках! – хмыкнул Понамарёв.

– И что этот Дацук?

– Да ничего особенно, – пожал плечами приятель Селиванова. – Просто он обещал Аркаше, если он не выплатит ему долг, вбить его по самую макушку в землю.

– Как это вбить?

– Очень просто, кувалдой, – бесстрастно ответил Понамарёв.

– И поэтому Селиванов уехал домой?

Мужчина молча развёл руками.

«Ну дела», – подумал Аветик и распрощался с Понамарёвым. Ему хотелось как можно скорее передать информацию

Воеводиной.

* * *

На столе следователя зазвонил телефон. Он протянул руку и снял трубку.

– Алло.

– Привет, Шура. – Он сразу узнал голос начальника отдела убийств Василисы Никитичны Воеводиной и приготовился слушать.

– Ахметов посетил магазин готовой одежды, где работает сожительница Селиванова.

– И что?

– Горбункова подтвердила алиби твоего подозреваемого. Сказала, что он дома был, пришёл из клуба чуть тёплый в девять вечера и сразу свалился.

– Вась, а в каком он был клубе, оперативники не узнали?

– Обижаешь, в «Кармелите».

– Он точно там был?

– Так сказал его приятель Сергей Понамарёв. Вроде бы Селиванов хорошо набрался, и приятель довёз его до дома и передал с рук на руки Горбунковой.

– Спасибо, Вася, – грустным голосом поблагодарил Наполеонов.

– Это ещё не всё.

– Не всё? – встрепенулся следователь.

– Оказывается, Селиванов весь в долгах. И в тот вечер его в клубе напугал некто Гордей Дацук, которому он сильно задолжал.

– Он, что же, ему угрожал?

– Да. Обещал вбить в землю по самую макушку.

– Ого! Серьёзный, видать, человек этот Дацук. А Селиванов денег для погашения долгов не имеет...

– Ага. Тот ещё фрукт.

– На этом борове только пахать, а он работать не хочет, философом себя возомнил.

Василиса фыркнула в трубку.

– Слушай, Вась, пошли кого-нибудь в клуб этот. Пусть разведают обстановку и выяснят, кто этот Дацук.

– Хорошо, – ответила Воеводина и попрощалась.

Глава 6

– Слушай, Любава, мы сегодня с тобой идём в клуб, – сказал Дмитрий Любаве Залеской.

– В клуб? – удивилась она. – Ты меня приглашаешь?

– Можно сказать и так, – усмехнулся он. – Только Василиса Никитична наказывала с деньгами быть поаккуратнее.

– Так это задание? – разочарованно протянула Любава.

– А тебе какая разница? – рассмеялся он.

Разница для Любавы была, и притом большая. Но говорить об этом Дмитрию она не стала. Поэтому подавила вздох, готовый вырваться из её груди, и улыбнулась.

– Если идти с тобой, то никакой разницы, – слукавила она.

– Ну вот и отлично, – подытожил он.

– А что мне надеть? – спросила Любава.

– Представления не имею. – Славин растерянно почесал указательным пальцем переносицу.

– Может быть, платье для коктейля? – решила подразнить его девушка.

– Думаю, что так откровенно наряжаться не стоит, – произнёс он с сомнением.

Любава решила не мучить его и сказала:

– Ладно, я что-нибудь придумаю сама, чтобы было не вызывающе и со вкусом.

– Полностью полагаюсь на твой вкус, – облегчённо вырва-

лось у Дмитрия. – Сейчас разбегаемся, и я заеду за тобой часиков в девять.

– Идёт. Адрес ты мой знаешь.

Он кивнул.

Дмитрий, как и обещал, заехал за ней около девяти вечера, позвонил в дверь, услышал её шаги и спрятал за спину букет.

– Проходи, – проговорила она и провела его в ярко освещённую комнату, которая служила ей и спальней, и гостиной, и рабочим кабинетом.

Карие глаза Любавы сияли, распущенные волосы стекали на плечи и спину блестящими волнами. А когда она улыбнулась, то два ряда её белых зубов сверкнули, как влажный речной жемчуг.

– Какая ты красивая! – невольно вырвалось у Славина.

Она потупилась, пряча под ресницами счастливое сияние. И сами эти ресницы трепетали, как крылья живых бабочек.

«И как же я её не рассмотрел за многие месяцы совместной работы, – подумал Дмитрий. – Это, наверное, потому, что я никогда не видел её с распущенными волосами и вообще такой трепетной...» Ещё бы! На работе Любава вся была подобранной и строгой.

– Это тебе! – сказал он и протянул ей букет из местных садовых роз, которые всё ещё цвели на родительской даче.

– Ой! Какие красивые! – обрадовалась Любава и спросила: – Где ты такие взял?

– Мама вчера привезла с дачи, – честно признался он.

– А она не заругается? – испуганно спросила Любава.

– Нет, конечно, – рассмеялся он, – я её проинформировал, что беру цветы для своей обворожительной сослуживицы.

Любава была умной девушкой, поэтому всё расслышала правильно – про сослуживицу Дмитрий матери, конечно, сказал, а вот о том, что она обворожительная, не упомянул. И Любава улыбнулась своим мыслям.

– Ты чего смеёшься? – спросил Дмитрий.

– Ничего, просто розы я оставлю себе. – И она достала из шкафа широкую хрустальную вазу. Любава жила в съёмной квартире, поэтому и ваза была не её, а хозяйская.

Дмитрий за это время успел рассмотреть вечернее платье Любавы. Оно было длинным, до щиколотки, с правой стороны разрез до бедра. При ходьбе в нём мелькала её стройная ножка в колготках телесного цвета. Туфли под крокодиловую кожу, с пряжкой, на небольшом каблуке. На шее цепочка с кулоном, в котором зелёный камень. Серёжки и браслет тоже с зелёными самоцветами. Славин предположил, что это селениты. Может быть, подарок родителей. О том, что их подарил Любаве поклонник, он почему-то думать не хотел.

– Ну что, пойдём? – спросила она.

– Да, да, конечно, – ответил он быстрее, чем ему хотелось бы. В прихожей он помог набросить ей лёгкий плащ под цвет кофе со сливками. Любава закрыла дверь, и они спустились вниз. Возле подъезда стояла «Лада Гранта» цвета «Белое об-

лако».

Дмитрий купил эту машину совсем недавно, продав перед этим прежний свой автомобиль «Ладу Калину».

На зарплату полицейского даже неженатому лейтенанту сложно менять машины. Но он благодаря своему художественному образованию в свободное время подрабатывал в галерее отца, составляя каталоги, готовя выставки и выполняя другие работы. Правда, об этом своём заработке он особо не распространялся.

В «Кармелиту» они прибыли в половине десятого. В клубе уже было много народу. Но, заплатив за вход, они попали в него без особых препятствий. Охранник смерил взглядом Славина, который не вызвал у него подозрений, и, задержав взгляд на Любаве, спросил:

– Вы в первый раз?

– Да, – ответил Дмитрий, – но, если понравится, станем постоянными посетителями. – Его добродушная улыбка обманула бдительного охранника.

«Врёт, как дышит», – восхитилась напарником Любава и в свою очередь одарила охранника лучезарной улыбкой, от которой он окончательно расслабился.

– Проходите, будьте как дома.

Дмитрий тем временем подумал, что если бы он был хозяином клуба, то непременно завёл бы швейцара с осанкой генерала и облачил его в форму с галунами.

Плащ Любавы они оставили в гардеробе и прошли в зал.

Носы оперативников тотчас учуяли в смеси парфюма, спиртного, пота и прочего едва уловимый запах «травки».

Оперативники выбрали свободный столик недалеко от бара. Заказали коктейли. Потом им принесли меню, и галантный Славин передал его Любаве. Она посмотрела на чудные названия и завитушки и передвинула меню обратно Славину.

– Дима, я в этом ничего не понимаю. А ты?

– Догадываюсь, – улыбнулся он и заказал несколько блюд, после чего шепнул Любаве: – Кухня у них явно не бюджетная.

– А нам хватит денег? – испуганно спросила она.

Он в ответ сделал ей жест рукой, обозначающий – не бойся, всё под контролем.

Улыбающийся официант расставил на их столе вазочки, тарелки, какие-то мисочки и прочее. Любава смотрела на всё это с интересом и ориентировалась по запаху, так как в приглушённом и к тому же постоянно меняющемся цвет освещении было трудно понять, какой цвет имеют блюда. На одной из своих тарелок она разглядела мясо и золотистую горку картофеля, которая вдруг стала розовой, а потом зелёной.

Заметив, что девушка вздрогнула, Дмитрий прошептал ей:

– Не бойся, ешь, это отбивные из телятины и обычная картошка. Но сначала попробуй вот это, – он пододвинул ей небольшую вазочку.

– Что это? – спросила она шёпотом. Хотя могла бы и не утруждаться, громкая музыка всё равно заглушала все голоса, и их никто не мог слышать.

– Коктейль из морепродуктов.

– Ты уверен, что это можно есть? – спросила она подозрительно.

– Конечно, – он подмигнул ей, – уверен, что тебе понравится.

– Ну, ладно, – протянула она задумчиво и зачерпнула ложкой содержимое из вазочки, потом добавила: – Если отравлюсь, будешь мне в больницу носить передачи или цветы на могилку. – Но увидев, что он тоже принялся за коктейль, вздохнула: – Видать, некому будет ходить к нам.

– Ну что ты, – пошутил он, – а как же наши отзывчивые товарищи?!

– О! – вырвалось у Любавы, когда содержимое ложки оказалось у неё во рту. – Вкусно.

– А я что говорил!

Мясо, картошка, экзотический салат и пирожки с дичью ей тоже понравились.

– Пойдём потанцуем, – предложил Славин.

– Какой там потанцуем, – шутливо проворчала она, – я сейчас лопну! И зачем ты столько заказал?

– Опять я виноват? – сделал вид, что обиделся он.

– Нет, ты, конечно, не виноват, – быстро отреагировала она, – просто мне не нужно было столько есть. А в то же

время, – грустно вздохнула Любава, – когда мы ещё попадём в такой шикарный клуб.

– Тебе это заведение кажется шикарным? – хмыкнул Славин.

– А разве нет? – спросила она, подумав про себя: «Не у всех же папы владельцы галерей».

Славин, догадавшись о чём она думает, успокаивающе проговорил:

– Не переживай, я не завсегдатай ночных клубов. Времени свободного у меня столько же, сколько у тебя. Денег чуточку больше, но я предпочитаю тратить их на более полезные вещи.

– Извини, – она залилась краской, ей стало стыдно за свои мысли.

– Тебе не за что извиняться. Так мы пойдём танцевать?

– Пойдём.

Сначала им пришлось двигаться в быстром ритме, а потом заиграла медленная музыка, и руки Любавы взлетели на плечи Дмитрия, а его руки с явным удовольствием обхватили её талию.

Любава заметила, что Славин, кружа её, делает большие круги, а глаза его скользят не только по лицам танцующих, но и пытаются разглядеть тех, кто остался сидеть за столиками.

– Кажется, здесь нет того, с кем мы хотели бы познакомиться, – шепнул он Любаве.

– И Селиванова нет, – прошептала она в ответ, держа в памяти изображение Аркадия, которое им дали рассмотреть перед тем, как отправить на задание.

– То, что Селиванова нет, это объяснимо.

– Да?

– Он боится нарваться на своего кредитора или его подручных.

Музыка кончилась, и он повёл её к столику.

– Ты пока посиди, а я пойду закажу выпивку в баре.

– Может, не надо? – спросила она опасливо.

– Надо, милая, надо, – улыбнулся он и провёл успокаивающим движением по её руке.

Люба, сидя на своём месте, пыталась разглядеть, много ли пьёт Дмитрий. Но он сделал пару глотков и о чём-то беседовал с барменом.

Дмитрий тем временем говорил:

– Слушай, друг, как бы мне перетереть с Гордеем?

– С каким Гордеем? – сделал бармен вид, что удивлён.

– Да, с Дацуком.

– Денег занять хочешь?

– Нет, отдать.

– Вот как? – удивился бармен и произнёс подозрительно: –

Да вроде тебя здесь никто и не видел.

– Это точно, – легко согласился Славин, – я здесь в первый раз.

– Тогда...

– Кореш меня попросил поговорить с Гордеем и отдать часть долга.

– Что за кореш?

– Аркаша Селиванов.

– А, этот прохиндей, – скривился бармен.

– Бери выше! – Славин поднял указательный палец к потолку. – Богатый наследник.

– Ага, – оскалился бармен, – он тут всем трепался про это. Только в кармане у него дырка.

– А ты разве не слышал, что его мать преставилась и теперь Аркаша богат, как Крёз!

– Какой ещё Крёз? – подозрительно спросил бармен.

Дмитрий понял, что допустил ошибку, не та здесь аудитория, чтобы упоминать Крёза, и он быстро исправился:

– Типа родственника Рокфеллера.

– А, – успокоился бармен, – а ты не врешь?

– Насчёт Рокфеллера? – сделал вид, что озадачился, Славин.

– Да нет! – махнул на него полотенцем, которым протирали бокалы бармен. – Насчёт того, что его мамаша ласты склеила.

– Такими вещами не шутят, – укоризненно покачал головой Славин.

– Эх мало ты жизни повидал, – не согласился бармен, – тут и не этим шутят. Ну да ладно, я вижу, ты парень правдивый. Вон видишь, спиной сюда, за третьим столиком, мужик

сидит?

– Вижу.

– Это Толян Горелый. Дружок Гордея. Иди к нему, он тебя с Дацуком сведёт, – и через паузу добавил: – Если сочтёт нужным.

– Спасибо, друг.

– Не за что, – краем рта усмехнулся бармен.

А Дмитрий покачивающейся походкой направился к указанному столику.

Толян Горелый встретил его ещё более подозрительно, чем бармен. Долго выпытывал, кто он Аркаше и чего это он его снарядил гонцом, а не пришёл сам.

– Я ему дальняя родня, – втолковывал Славин недоверчивому бандиту, – можно сказать, седьмая вода на киселе.

– А точнее, – не отставал Толян.

– Точнее, семиюродный брат по материнской линии.

– Иди ты! – сказал Горелый.

– Куда?

– Никуда, а зачем.

– Зачем?

– За деньгами.

– Видишь ли, мать Аркаши только что скончалась. Ему надо в права вступить. И придётся полгода подождать.

– Дацук ждать не может! – Толян хлопнул ребром ладони по столу.

– Ага, не может, – усмехнулся Дмитрий. – А что же он

может?

– Покрошит Аркашу, как редиску, мелко и маслица добавит. – Горелый захохотал.

– Понял, – сказал Славил и стал подниматься со стула, на котором удобно устроился.

– Чего ты понял? – рявкнул Толян.

– Что Дацук от денег отказывается и жаждет только одного.

– Чего?

– Как я понял с твоих слов, крови.

– Сядь!

– Сядет Гордей с подельниками после того, как покрошит Аркадия.

– А ты чего предлагаешь? – более спокойным голосом спросил Горелый.

– Я предлагаю поговорить с Гордеем и прийти, как говорилось на заре перестройки, к консенсусу.

– Ага, – хмыкнул Толян, – развалить наше дело грозишь?

– Ты, Горелый, понял меня превратно.

Толян хотел возмутиться такой фамильярностью, но Славил не дал ему рот открыть:

– Кстати, а почему Горелый?

– Не твоего ума дело!

– А всё-таки, – дружелюбно улыбнулся Дмитрий.

– Горел я, понял!

– В танке?

– В каком ещё танке?!

– На службе в армии.

– Дурак я в твою армию ходить! В машине горел! Еле откачали.

– Хорошая у нас медицина.

– Ничего, сгодится.

– Так что мне Аркадию сказать?

– Что он слизняк! И раздавить его сапогом Дацуку ничего не стоит!

– Но он делать этого не станет из-за коммерческих соображений, – продолжил за Толяна Дмитрий.

– Значит, так, ты думаешь, я лопух?

– В мыслях такого не было, – заверил бандита Славин.

– Ну-ну. Иди к своему столику и не рыпайся. Я поговорю с кем надо и подойду к тебе. Не вздумай смыться! Мы тебя и твою девку враз вычислим.

– Не сомневаюсь в твоих способностях.

Горелый внимательно посмотрел на лицо Славина. И даже при переливающимся свете не нашёл на нём даже следов издевательства или хотя бы иронии.

– Иди, – сказал он.

– Уже иду, – спокойно ответил оперативник. Он повернулся к бандиту спиной. Но затылком чувствовал его сверлящий взгляд.

Вернувшись, он коротко рассказал обо всём Любаве.

– Они визнают, на какой мы приехали машине, и всё, –

она прикрыла рот ладонью.

– Это не моя машина, – улыбнулся Дмитрий.

– Как не твоя?! – изумилась Любава. – Ты же на работу каждый день на ней приезжаешь.

– Моя машина в гараже. А эту подобрали специально. Она числится в угоне.

– Но ведь точь-в-точь! – не переставала удивляться Залеская.

– Ты забыла, где мы работаем?

– Нет, но...

– Нам нужен Дацук.

Тут к их столику подошёл Горелый. Он с вожделием смотрел на Любаву, потом повернулся к Дмитрию и сказал:

– Сейчас ты, – он ткнул в Славина пальцем, – и твоя девка поедете с нами!

– Куда?

– Меньше знаешь, крепче спишь, – хмыкнул Горелый. – Ну пошли, что ли.

– Пошли, – спокойно отозвался Славин.

Их усадили в машину и завязали глаза.

– А я уже думал, что бандитские боевики отошли в прошлое.

– Заткнись, – лениво посоветовал Толян.

Через полчаса они выехали за город, сначала ехали по асфальтированной дороге, потом по грунтовой. Примерно через час машина остановилась, и их вытолкали из салона.

Скрипнули ворота, поддерживая пленников под локти, их провели по какой-то дорожке, завели в здание и подняли наверх на лифте.

Когда им развязали глаза, они оказались в комнате с опущенными портьерами. За столом сидел грузный, но не старый мужчина.

– Садитесь, – предложил он им.

– Вы Гордей Дацук? – спросил Дмитрий.

– Допустим.

– Я не понимаю, зачем нас сюда привезли, разве не проще было договориться на месте?

– Оно, может, конечно, и проще... Но...

– Что «но»?

– Мы проверили. Мать Аркаши и впрямь скончалась. Вас мы отпустим, как только Аркаша отпишет своё наследство в нашу пользу.

– Вы идиот? – спросил Дмитрий. – В права наследства надо ещё вступить.

Любава вся напряглась.

– У нас всё продумано, – заявил Дацук.

– Ну-ну, – усмехнулся Славин.

И тут за окном что-то произошло. Гордей обернулся, но портьеры мешали разглядеть произошедшее. Он поднялся. И в это время Славин схватил стул и запустил в люстру.

– Ложись, – крикнул он Любаве. На них посыпался град осколков.

Дацук стал стрелять под стол. Но Дмитрий успел засунуть Любаву в шкаф, а сам вжался в проём, потом переместился к окну и юркнул за одну из портьер. Когда Гордей тоже кинулся к окну, Славин нанёс ему несколько ударов.

Бандит попытался выстрелить, оперативник перехватил его руку и изо всей силы стал сгибать её, борьба шла с переменным успехом, за несколько мгновений из оружия бандита вылетело несколько пуль. И тут кто-то треснул Дацука гранёным графином по голове, истекая кровью, Дацук рухнул к ногам оперативника.

– Я, кажется, его убила, – всхлипнула Любава.

«Нашла о ком жалеть», – хотел сказать Дмитрий, но не успел. Вылетела взломанная дверь. Славин схватил с пола оружие. Но это были свои.

Дмитрий облегчённо вздохнул и опустился на первый попавшийся стул. Любава наклонилась над ним и стала вытирать кровь.

– Это не моя, – сказал он.

– А, – и тут Любава вспомнила, – мой плащ остался в «Кармелите».

Дмитрий захохотал во всё горло.

– Ничего смешного, – обиделась девушка, – я его купила совсем недавно. – Но мгновение спустя она тоже рассмеялась.

– Эту весёлую пару в управление, – кивнул на них один из спасителей, – а то Василиса Никитична беспокоится, да

поаккуратнее.

Уже в машине Любава спросила:

– Как же они нас нашли?

– Я же сказал тебе, что всё под контролем, – он осторожно пригладил растрепавшиеся волосы девушки. – И ещё для надёжности я прицепил жучок и себе, и тебе.

– А мне когда? – удивилась она.

– Во время танца.

– А я-то думала, что ты гладишь меня, потому что я тебе нравлюсь, – разочарованно протянула она, тщательно пряча улыбку.

– Нравишься, очень, – и он снова погладил её волосы, которые уже не нуждались в приглаживании.

Глава 7

Гордей Дацук с перевязанной головой сидел в кабинете следователя. У него давно не было такого отвратительного настроения. Мало того, что он влип по глупости и жадности, как курёнок в щи. Но так как люди редко винят в своих неудачах себя, Дацук был уверен, что во всём виноват Толик Горелый. Это он его так нелепо подставил. К тому же у Гордея невыносимо болела голова. Обезболивающие, которые ему вколол врач, не слишком-то помогали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.